

Евгения Вежлян

Ангел на Павелецкой

Евгения Вежлян

Ангел на Павелецкой

Москва

«Воймега»

2019

УДК 821.161.1-1 Вежлян
ББК 84 (2Рос=Рус)6-5
В26

Е. Вежлян

В26 Ангел на Павелецкой / Евгения Вежлян. – М.: Воймега, 2019. – 88 с.

ISBN 978-5-6042671-4-3

Евгения Вежлян (Воробьёва) родилась в 1973 году в Москве. С 1995 года печатается как поэт и критик в различных изданиях: «Новый мир», «Знамя», «Урал» и других. Лауреат литературных премий. Работает в Российском государственном гуманитарном университете на кафедре истории русской литературы новейшего времени. Эта книга – дебютный сборник автора, в ней собраны стихи, написанные в разные годы XXI века.

ISBN 978-5-6042671-4-3

© Е. Вежлян, текст; 2019
© «Воймега»; 2019

Смерть сидит
у него в кармане

Говорить

тёмная
составлена кое-как
собственных согласных кусая мякоть
речь моя родная без языка
и прописки сердце моё царапать
продолжает согласно
кому-чему
только вот не пойму
моему уму
не даются карты её истоков
значит и не добратья черпнув рукой
не поцокать от счастья разок-другой
будто лампа накаливанья дугой
попирая цоколь

* * *

...где дышит, всё в жабрах, сырое лицо
жильца номер ноль из породы жильцов,
который выходит из ванной,
от холода весь деревянный.
Где смерть измеряет его рамена
и чресла, насколько линейка длинна,
и глаз её смотрит из слива,
блестящий и мягкий, как слива.
Она — по хозяйству, а он — просто так,
по жизни. А жизни сквозь медный пятак
не видно ни решки, ни тушки,
покуда соседи в орлянку играть
садятся, чтоб вычесь, кому умирать
на шаткой её раскладушке.

* * *

Смерть проявляется по капле на фотографии цветной,
а жизнь — на чёрно-белой.
И эта бабка в жабрах кожи когда-нибудь настанет мной
с подсохшим, лёгким телом,
завёрнутым в цветной халат,
как наступают зима и лето.
А чья душа в чьё тело вдега —
глаза не различат.

* * *

Вот он выходит из конторы
и вспоминает говорить.
Вот он идёт сквозь пункт контроля,
мыча себе неловкий звук.
Охранник смотрит исподлобья —
мол, кто такой и вообще...
А он на улицу выходит
в измятом за зиму плаще.
Витрины движутся навстречу.
В них отражения болят.
Он давится застрявшей речью,
как будто заново живёт.

А та — задумана как радость,
но ненароком померла.
В том месте, где она жила, —
теперь сплошной натужный разум.

Детское

человек неразложим
потому что у него
изнутри стальной зажим
а больше нету ничего
человек невычита-
неделим на два и три
потому что пустота
у него внутри
потому что шевеля
непослушным языком
он не знает ради для
и не ведаёт о ком
он вслепую издаёт
свои звуки и слова
как забытый пулемёт
свои пули раздава-

* * *

Моя маленькая зимняя метафизика:
старики и старушки,
шаркающие по дорожке.
Их синие силуэты.
Медленно.
Тяжко.
Отклеиваясь от бумажного пейзажа.
Опять приклеиваясь к бумажному пейзажу.
Односторонние куклы театра теней,
но внутри каждой – сырые мёртвые полости.

В них живёт:
пыль серых комнат,
запах лекарств,
политый синим телевизорным светом...
Жёлтые военные фотографии,
серые послевоенные фотографии,
цветные фото детей и внуков,
глиняные трещинки на линолеуме,
сломанная дужка мутных очков,
чёрные гречневые скорлупки,
собачьи шерстинки,
заголовки газет
в туалете,
мутное отражение в зеркале
(не вспомнить уже – чьё).

В них живёт
смерть.
Одна на всех – как причастие.
Следовательно, и моя.

Стансы

Вот такие, брат, дела.
Ты писал: разбилась ваза.
Молодость прошла, зараза.
А она — не дожила.

А казалось, жить и жить,
и бессмертно, будто вирус,
время. Но — остановилось.
Старость нужно заслужить.

Думали — привычка зла.
Рельсы, кабаки, вокзалы,
книги, люди. Оказалось —
это выслуга была.

И чего-то вроде есть
вместо видимого мира,
но нельзя войти в подъезд
и пустой стоит квартира.

И успели разломать
дедову пятиэтажку.
Как застёжку или пряжку,
память некуда девать.

Память не на чем носить.
Образуются завалы.
Вроде бы и так — немало,
а ещё копить, копить....

Из цикла «Письма о поэзии»

1

Что нам делать, что нам делать, что нам делать,
трам-пам-пам,
если *то* совпало с *это*, если *здесь* совпало с *там*
и во всех концах земли
щели мира заросли.

Говорят, через сердце поэта проходит
какая-то трещина...

Такая фишка:
проснулась.
Вижу — стол и стул.

Вижу — люстра с картонным ободком, вполне себе дачная. Как и положено в съёмной квартире. Вижу — наши два книжных шкафа, на стеклянной двери одного наклеена синяя розочка, будто это вовсе и не книжный шкаф, а кафель в ванной комнате. Но хорошо, что есть хоть такой... А вот и книги. Давно хотела написать об этом: как менялись книжные обложки. Чем свободней страна, тем они пестрее, тем несерьёзней. Чем монохромней они — тем сакральней, тем выше идея культуры. Монохромная вечность, куда не пролезут ни красненький Бодрийар, ни салатový Деррида.

А вот — моё тело. Под одеялом — колючим, из шерсти не помню какой. Я его чувствую, но пока не вижу. Открываю и закрываю глаза.

12

Словом, всё хорошо — всё на месте.

А поэзия-то, поэзия?!

Это соединение вещей, распадающихся, не умеющих жить друг в друге, совсем отдельных, — никаких... Ни потрогать соседа подобьем — невидимым — щупалец, ни, обточивши края, вписаться в тело комнаты, как в натюрморт, — недоступно вещам.

Поэзия — этот клей бытия, исчадие языка — не присутствовала этим утром...

Я почувствовала её нехватку тишиной,
которая разлилась внутри меня,
тёплая, словно вода Чёрного моря,
и такая же мутная.

Мир — он вот, весь наружу,
каждая вещь вот — непреложно перед глазами.

Но — это всё что.

Нет, пожалуй, не всё:

Мир стоял сотворённый как никогда,
готовый к употреблению,
и никакие, прости господи, интенциональные акты
не могли тут ничего изменить.

Что отнюдь не пугало:

наступившее спокойствие
давало власть над жестами и воспоминаниями.

А этого было вполне достаточно.

Ни к этим жестам, ни к этим воспоминаниям
ничего не примысливалось,
кроме разве молитвы.

Поэзия прошла как болезнь.

К ней не было смысла возвращаться.

2

Стихотворение – это не
лучшие слова в лучшем порядке,
это стечение звуков и обстоятельств,
это такая одновременность всех вещей,
в которой для тебя
места уже не осталось,
вот ты и пытаешься...

Но – поздно.

Уже застигнут.

То есть стихотворение – это
вообще не слова,
а ты сам, когда жизнь прорастает в тебя,
как ноготь в дикое мясо.

3

Я тут было её
хоронила.

И весь её алфавит.

А она обо мне позабыла
и опять сквозь я говорит.

* * *

Сижу в шерсти ворсистых комнат,
как в листьях — серый соловей.
От неучтённости своей —
себя не помню...
Нет, не помню.
И если на дворе трава
и жжётся, словно тёрка, небо,
то на траве расстелим небо,
чтобы о нём не забыва...

Дядя Хема

Здесь стояла беседка,
как огромная клетка,
а теперь здесь простое –
пространство
пустое.

Дядя Хема
в своей сетчатой летней шляпе,
прямо как у Хрущёва,
приезжал к моим маме и папе.
Мы гуляли в Кусково.

Дядя Хема снимал шляпу, очки и часы,
голубую рубашку с погончиками
и белые брюки,
чтобы, бросившись в воду,
выделывать разные трюки.

А вода была тёмной, топазовой,
а природа была живой,
будто вынутая из-за пазухи,
не прирученная Москвой.

Но дядя Хема вылезал из пруда.
Одевался и, прохаживаясь по парку,
говорил, что нынче ужасно жарко...
А раньше, ещё до войны,
второй
мировой,
погода была как погода.

А это — недоразумение.
Таково его мнение.
И не безобразие — даже негде купить штаны...
То ли дело —
до второй
мировой
войны.

Дядя Хема
родился
в десятых
и всю жизнь проработал фотографом в городе Глухове.
Хотела бы я увидеть его фотографии:
спокойные обыватели и евреи конца двадцатых,
напуганные граждане тридцатых,
мундиры сороковых...

Наши скудные современники времён поздней империи...

Дядя Хема умер.
Пруд тоже умер,
закатанный в бетонные берега.

А я — осталась.
Стою смотрю на бесполезную воду.
Возле таблички «Купаться запрещено».

* * *

Меня хватает на то, что меня хватает...
То есть: снег, нападая за день, тихонько тает,
выстилая мне путь сопливой арбузной коркой.
Становлюсь всё более глупой и дальноркой.
Спотыкаясь, иду сквозь невидимые преграды.
А куда мне, собственно, нужно? чего мне надо?

* * *

ничилавчески устало
забыло говорить
а время в это время встало
у стеночки курить
где меняет и прочие слова
москва стекает прямо с неба
как бы показывает нёбо
язык высывыва

* * *

В пустой комнате
одиноким стоящий стул.
Столб тяжёлого света.
А в нём — пляска блестящей пыли.
Человек, который здесь был, уснул.
Остальные про нас забыли.
Я играю в плавание под водой.
Я смотрю на пылинки, сжимаю веко,
и в прищур сквозь ресницы одной звездой
больше
видно,
но
вычитание человека
означает свет её золотой.

* * *

А правда, в общем, в том заключена,
что я — частично Лотова жена,
которой сны, как пряничные черти,
напоминают о внезапной смерти...
Которой соль как вечность настаёт.
Ей самоё себя недостаёт.
И алчет жить,
и грезит убежать,
но нечем пить
и зренья не разжать...

* * *

Холода холодают...
Но серый снег
позволяет выбежать
за пределы
тавтологий.
Тело – не человек,
но куда пойдёт человек без тела.
Я в ловушке московских колец кружу,
как жучок-древоточец
внутри древесных.
Время съедено мною,
и неизвестно,
для чего и кому я принадлежу...

* * *

Заткнулся и умер в себя самого.
Снаружи не видно, любил ли кого.
Но ангелы топчутся с краю,
чтоб выдавил окостеневший язык —
ещё к заскорузлым словам не привык —
тяжёлое «я умираю».

И больше не значат внутри темноты,
телесной и мокрой, шмели и цветы,
но атомы речи,
солёное мясо покинув своё,
небесное вдруг обретают жильё,
становятся легче...

* * *

пополняя ряды муляжей
тараканы планет
или крылья синиц и стрижей
или решки монет
не хочу ничего различать
не желаю иметь
и зубами вставными стучать
костылями греметь

ТХТ. Философская лирика

Посвящается Макс

ТХТ — речь, зависшая между прямым и непрямым высказыванием, то, что возникает, когда человек говорит: «Не знаю, как об этом сказать», а ему: «Так и скажи». Так и сказала.

ТХТ: Мужчина

Можно твердить: *ceci n'est pas une pipe*.
Но, отучаясь от табака,
мир возвращается в доколумбову эру.
Вырастить сына.
Вылечить грипп.
Вынести мусор...
Не загрязнять атмосферу...
Жить в плену закона, пола и языка.
Пол причём вовсе не секс, а подобье пытки и казни.
Тебе себя не означить.
Лишь щека, темнея, напоминает о чём-то,
и это — дразнит. Дразнит.

ТХТ: Счастье

Мне снилось, что ты надел коричневый пиджак, клетчатые брюки, чужое лицо и ушёл к неприятной молодой и с высоким голосом. В это время ты спал, обнимая подушку, а когда встал — у тебя вдруг закружилась голова. Часа в три наступившего дня стало темнеть. Темнота не помешала девушке весёлой и нежной, собственной лёгкостью как бы

уже и обременённой, приехать и сфотографировать нас на фоне такой удобной для этого белой кухонной стены.

Утром-то, оказывается, было землетрясение. Мы с тобой его благополучно проспали.

Счастье? Наверное, счастье. Между воображаемым горем и несбывшейся катастрофой.

ТХТ: Modern poetry

Стоит отказаться от языка, и ты — внутри смыслового потока, где каждый жест значит нечто, сам себя мыслит, сам себя называет. Причины вырастают из вещей, словно полупрозрачные белёсые корни из тёплой картошки, забытой под батареей. Каждый может добраться до той, недоступной прежде, внешней всему точки, где траектории всех путей образуют вполне поддающийся описанию узор. Тут уже ничего не придумаешь, в мире, где слова — это факты. Остаётся записывать, как шахматный композитор записывает ходы неумолимого эндшпиля.

ТХТ: Метро

Стою в метро.

День влажен и напрасен,
как старое дырявое ведро.

Но миру мир, злу зло, добру добро,
но мир в его отдельности — прекрасен.

Как ставятся — наперекор словам —
простые вещи плотно и непрочно.

Вы мне никто, но кто тогда я вам.

Я мыслю вас. Сие — неправомочно.

Сие — опять-таки — напрасный труд.
Мы наследим.
За нами подотрут.

ТХТ: Апология субъекта

Я не являюсь тем, кем я являюсь.
Я в бытие без спросу заявляюсь.
Я пальцами материю вощу.
Я ничего не жду и не ищу.
Здесь жить нельзя, но можно окопаться.
Сквозя, скользя, внутри себя копаться.
Разъяв на части тела вес сырой,
пустую явь внутри себя открой.
Ты — собственный, единственный, ты — свой.
Такой-сякой, убогий. Никакой.

ТХТ: Память

Моё твоё такое вот другое.
Все эти все — они как будто всё.
Но я-то здесь.
И знаю — хорошо, что не одна. Не двое и не трое.
А множество, бесчисленное мы,
в котором нет меня, но я — зарыта,
как бы в песке. И мы — обречены:
сознание достаточной длины
чужой подкладкой памяти прошито.
Конвой мои просматривает сны:
одна бомбёжка, голод, две войны.
Сорочка, мыло, грязное корыто.
Сырая бздюка плюс чужая речь.
Написано: забыть нельзя сбечь.

ТХТ: Родина

Лето. Такие пустые тени.
Я подлежу неизбывной хрени.
Неубиваемая страна
пóтом разит, шелестит газетой.
Лето, — бормочет, — такое лето.
Дача, — ворчит, — черенки-семена.
А у самой-то и юбка — одна,
выгорит — так что не вспомнить цвета.
Шея, напротив, станет черна.
И пастернак, и петрушка — грядка
вовремя будет за-се-я-на.
Я же в углу тишину читаю,
втиснувшись в кресло, как запятая.

ТХТ: Прошлое

Такое настоящее,
что вот и прошлое —
как яма нечистот,
и до него — не дай бог заразиться —
коснуться не моги,
а потому и человек и птица
ебут тебе мозги.

ТХТ: Быт

что у других — быт
у меня — болит
человек без фона
почти инвалид

женщина с оторванными вещами
тряпками кастрюлями и борщами
чистое пространство
вокруг меня как вода меня вытесня-

* * *

Слышу внезапно:

«Жажда изгнания»,

«Икота пространства».

Эй, слова!

К чему вы подумались?

Кто это шепчет туда, в мои внутренние уши?

Что хочет сказать?

Алфавит исхода – алфавит исхода, это он – алфавит исхода.

* * *

кому повем свою печаль кому
она во мне ни в небе ни в доме
она внутри растёт как существо
ведёт отсчёт неведомо чего
как будто бы пчела жужжу жужжу
а там глядишь и в мир её рожу

* * *

я живу у себя в айпаде
а ещё в кулаке у меня
конфета
жили жили
а после
раз — и не глядя
махнулись
всем что есть
и теперь у меня в кулаке вот это
леденец
липкий такой горячий
сладкий на вкус
мне его подарили когда
во дворе человек
вопросом меня озадачил
хочешь конфету спросил
пойдёшь со мной
и я отвечала да
отвечала нет
и не пошла никуда
отвечала да
и пошла со двора
там ничего не меняется
тот же двор
та же пятиэтажка
и мне пора
домой

бабушка до сих пор
ждёт меня там
и глядит в окно
а я то ли исчезла
то ли пришла давно
и живу

Пасха

1

ни печь
ни красить
ни надевать
ни наводить уют
а просто буду с утра вставать
пока птицы поют

помнить – кому поют

2

Кто бежит ночью,
грея
в ладонях розовое яйцо?
Пасха играет в небе.
Город заподлицо
схвачен,
иглой проткнут,
ниткой прошит
цветной.
Что это за чучелка
пробирается тут впотьмах,
щурится сквозь очки,
хочет попасть домой,
юбкой метёт мостовую,
путается в ногах?
Я это, Боже мой.

* * *

Да и в общем зачем.
Если нет никакого согласия.
Если эта история — выдумка.
Если я — это просто сумма.
Если мы проживаем как здешние.
Если числимся. Или чехлы.
Изнутри потому что пустые.
А снаружи — наросты простые.
Горбыли. Пузыри.
Для чего эти длинные паузы.
Лучше сразу.
И *заперто* за спину
прячет ключ,
потому что нельзя
ничего вынимать и откладывать.
Никого принимать за растение.
Ниоткуда не следовать выводу.
А история — это забытая
карамелька в машине, оставленной
на Садовом кольце
на съедение едкой пыли и снегу солёному.
Там, наверное, заперт в салоне
двадцать лет как не дышанный воздух
на проспекте Калинина, ночью —
тёмный-тёмный, безлюдный, пустой.

* * *

Жизнь бесконечна, если включить в неё сны.
Смертность недоказуема.
Человек – многогранник или кастрюля.
Потому что сколько людей, столько и измерений.
Пространство натягивается на шляпу.
N – человек. Или – дерево. Это как посмотреть.
Или камень. Смерть сидит у него в кармане.
Карман пришпилен к небу,
вогнутому, как брезент,
жёлтому, как брезент,
наполненному водой.
N обстаёт – иначе не скажешь, нет, – Выставка Достижений
Народного Хозяйства.
Вся же картинка наматывается на медлееееенное колесо
обозрения,
чья верхушка приподнимается над деревьями ровно
на столько, чтобы
дать N правильное понятие
об устройстве того-сего.

Ангел
на Павелецкой

* * *

Отчего мы не чуя живём под собою страны, не читая —
спать ложимся — газет, и расчёсывать сны, как лишаи,
в темноте напрокат взятой ночи должны?

* * *

Ещё: они рассказывали о том как.
Для начала: здесь жил доктор, была больница, вокруг посёлок
и фабрика, пациенты.
Настоящие, прошлые, будущие. И вот для них.
Ещё: посмотрел и вздохнул.
Посмотрел и сник.
Ещё: тут всё знают о смерти и жизни, о жизни и смерти,
о просто смерти.
Она в окне крошечного деревенского морга, там её жёлтые пятки.
Потом: революция тут ничего не меняла.
Домик доктора так и остался
домиком доктора.
Он оседал и сжимался, потому что пространство росло,
как советская власть позволяла. Или назло.
И теперь: они говорят, и это — плюсквампрефект.
В сжавшихся до размера комнат жизнях,
в комнатах, выдавленных в собственную изнанку,
говорят о том, как растёт тишина за окном. Но им кажется —
что о том, как:
они получали квартиры и ордера, как устраивались, доставали,
растили,
как на лыжах и как в поездах, как в тайгу и Пицунду.
И на маленьких фото
линяет чужая страна.
В землю уходят этот маленький дом и маленькая больница.
Собирается вдруг и идёт к пациентке.
Пациентке восемьдесят четыре. Она
умереть боится.
Но умрёт.

Что означает — лечить, что означает — помочь?
Она надевает пальто и уходит в ночь.
Он говорит о том, как занимался спортом:
йога, гимнастика, гири (полтора пуда чёрного чугуна).
Но не спасло.
Хотя и лечили.
И внутри у него натянутая струна
прошлой воли
вибрирует, но не рвётся.
Вот он и ждёт.

* * *

На Павелецкой ко мне подошёл невысокий, в зелёной футболке, с пустым бумажным пакетом в руках. Широкая шея, маленькие тёмные глазки. Одним словом, даун. Подошёл и застенчиво спросил: «Девушка, вы разрешите мне помочь вам?» Станный вопрос. Со мной всё в порядке. Я здорова, и у меня нет тяжёлых сумок. В чём дело? «Нет, спасибо, мне не нужна помощь». Так ответила я.

Но потом меня что-то будто кольнуло. Я прошла несколько шагов и повернула обратно. Он удалялся как-то удивительно быстро. Слишком быстро. Дауны так не ходят... Но я догнала. Он смущённо посмотрел на меня снизу вверх. «Я только узнать: а чем же вы хотели помочь мне?» Он смутился ещё больше: «Поднять вас». Я усмехнулась: «Боюсь, вы не справитесь».

И вдруг добавила: «Если только вы не ангел». Он сказал: «Простите». И засеменял прочь.

* * *

Осень — это вовсе не время года.
Она перемещается по двору
от дерева к дереву.
И пока не вызолотит листья —
все листья —
не уходит.
То есть время — оно не везде.
Оно приходит
к каждому,
кто дожждётся
своей очереди.
Будто врач участковый
или слесарь-водопроводчик.
Нас-то много.
Оно одно.
И на всех его не хватает.

О фантазии

У меня,
похоже,
полностью
отсутствует
воображение.
Это ничего.
Это нормально.
Нормально, правда.
Точнее, не воображение –
фантазия.
Из моего подсознания
никто не выползет.
Сон моего разума
не породит
отвратительно-едких,
хорошо продаваемых
чудовищ,
пахнущих свежей китайской пластмассой.
Потому что я, закрывая глаза,
вижу только:
мальчика с синдромом Дауна.
И он умирает.
Каким-то десятым чувством он понял:
за ним
никто
не придёт.
Его никто
не полюбит.
Он заложник.

И кокон, кокон, свивают кокон.
Плотный кокон газетной бумаги и чёрных знаков,
и вроде уже не видно, уже не мокро, уже не страшно.
Но и воздуха нет.
Темно,
не пошевелиться.
Я заложник.

* * *

*Это книга детская,
Детская, советская.*

когда вокруг покойники
когда вокруг враги
и злые рукомойники
встают не с той ноги
ты с этой детской сказочкой
ты с этим страшный сном
не связывайся связывай-
ся связывайдругом
о думай и беги
давай беги покуда зна
не выдаст нас не выдаст нас она

Под нарисованным небом

1

еду в церковь
и вдруг он
самовар утюги
постарел облысел
тихо по вагону
между людей проехал
нос крючком
глаза навывкате
неприятное – бррр – существо
ничего не собрал не выгадал
раньше был страшен
хотелось выйти закричать убежать
мог подъехать и потеревить за полу или штанину
а теперь вот и ничего
сколько ежжу с утра через Выхино
столько лет и встречаю его
двадцать лет как встречаю

2

а во время службы в алтаре
под небом нарисованным
бабочка
вот такие дела

3

Время — оно как макароны.
Вещи — неочевидны.
Слова — тяжелы.
Особливо когда намокнут.
«Матушка», — обратилась ко мне
девушка надцати лет.
Ну какая я матушка, в самом деле,
ну какая я матушка.
Или что, моё время уже сварилось?

* * *

взмывая выше ели
не ведая преград
крылатые качели
летят летят летят
пел нищий
ему лет наверное сорок
и он полный придурок
одна щека у него
с узеньким шрамом
глазки такие поросычьи
а ему-то кажется что он
как в детстве как в детском хоре
высоко и взволнованно
взволнованно
и высоко
а впереди
только небо
только ветер
только радость
только небо
только ветер
только радость
только небо
расступаются пассажиры
от него – ужас! – ещё и пахнет
только ветер
смеются почти в голос
какой клоун
а видали!

только радость
а ведь так и не закончил куплета
не вышел из вагона на остановке
осторожно двери закрываются
остался
допевать

* * *

хочется написать какую-нибудь историю
из чисто терапевтических соображений
чтобы наши в ней наконец победили
всё равно какие
лишь бы наши
подробностей не изобрести
хочется
пережить
это чувство вот оно сбылось
вот она наша победа
мы все долго прятались
а теперь
мы на площади держимся за руки
и смеёмся
смеёмся
и будущее тоже вот оно
оно есть
оно тоже наше
как этот город
от него конечно ничего ничего не осталось
всё что мы любили
враги превратили
в параллелепипеды
из синего
ослепительного стекла
но зато можно снова
сидеть на скамейках и пить пиво
и петь под гитару громко громко
и рассказывать старые анекдоты
и читать стихи

и брать на руки детей
и разговаривать с девушками
всё всё теперь можно
чем бы таким заняться
что бы придумать?

а давайте поедem за город
или нет давайте разрисуем стены домов
во дворах где ещё остались
эти стены каменные в облупившейся штукатурке
или давайте
о это чувство победы.
мы уже не знаем что и сделать
во ознаменование этого чудесного дня

хочется пережить его
при жизни
хотя бы раз

1994, лето

Здравствуй, я!

Здравствуй, девочка, заработавшая сто долларов – русский как иностранный, беженцам из Афгана... Помнишь, тогда мы пошли и на все купили куртку – чёрная кожа – мужу, окончившему институт, надо ж в чём-то приличном ходить на работу...

Девочка, помнишь лето и – ох ты, поди ж ты, солнце, лето в городе, чтение Фаулза, благо что по программе, и всё вокруг становилось волшебным и странным, и город, волшебный и странный, пустой и послушный, – и в нём ещё нет никого, кого знаю сейчас.

В то лето хотелось любить и любилось и пелось...

Здравствуй, я! Помнишь юбку, последнюю юбку юности, и ты была в ней словно тонкий звенящий стеклянный звёрёк, пока не наполнилась – сыном?

Ты, наверно, забыла то лето, то сонное лето любви, те медовые библиотеки, те шершавые травы, те скрипы, улыбки и всхлипы. Я всё помню. Всё помню. Всё помню. И что с этим делать, скажи?

Социальная поэзия

Мы, убогие очкарики,
бегающие по городу с рюкзачками,
в которых: мятые бутерброды (на кафе у нас денег давно
уже нет),
недочитанные книги (на дочитывание книг времени
давно уже нет — надо зарабатывать на еду),
недописанные тексты (на написание текстов времени
давно уже нет — нужно зарабатывать на еду и хотя
бы иногда на книги),
дранные тапочки (иногда, совсем иногда — вдруг да
в гости; но на самом деле — в гости ходить времени
тоже нет: нужно зарабатывать на еду, книги и чтобы
было в чем бегать по городу в поисках, чёрт возьми,
денег),
мы, читающие лекции в пустых аудиториях (у студентов
учиться времени нет — надо зарабатывать на еду и
развлечения; но развлекаться им тоже некогда —
нужно работать, иначе не хватает на еду),
мы, слепнувшие над никому не нужной корректурой
книг, которые если кто и прочтёт — ему уже будет
не до ошибок (на то, чтобы искать ошибки, времени
у него нет — нужно зарабатывать, дома голодные дети
плачут, а книга лежит в сыром рюкзачке возле старого
ноута с очередной корректурой),
мы, пишущие в фейсбук, читающие фейсбук, — времени
нет, да, — но иначе, — как нам не впасть в отчаяние
от того, что творится на родине, и ты, книга лиц, — да,
одна нам поддержка и опора,
мы, которые тихо нищаем и умираем от переутомления,
мы, лилипуты с тихими-тихими голосами,

эта страна – слишком большая, чтобы услышать нас,
а тем более разглядеть, –
так вот: водители огромных, огромных, многотонных
автомобилей, мы обращаемся к вам.
Объясните им всё за нас.
Мы не можем остановиться, перестать работать.
Наш мозг никогда не спит и надёжно спрятан.
А ваше бездействие всеми будет замечено.
Скажите им...
Господи, да что ж попросить-то...

Он думает
только об одном

* * *

Недостижимого себя,
в котором столько пробелов,
столько слепых пятен –
текст попорчен, местами – размыт (слёзы?),
пытаться любить,
изо всех сил пытаться,
толком никем не будучи,
языка предков не зная,
о языке потомков не загадывая...

* * *

Ну и что,
давай посчитаемся
и наконец
решим:
кто из нас Кенни?
Чья смерть
необратима,
а чья
войдёт в привычку.
Засыпаешь
мёртвый,
просыпаешься —
опа! — мама на кухне
что-то жарит,
радио играет «Пионерскую зорьку»...

* * *

этот голос никому не нужный
этот маленький нелюдь
выпасающий плоские сквозистые треугольники
на асфальте
а я скажу ветру замри
он и замрёт
как в то холодное утро
в Ховрино
там моё детство
сквозь асфальт
прорастает
никак не может
пробиться

* * *

...Или вот:
безумна ли женщина-вертолёт,
руками машущая над головой,
забывшая дорогу домой?

Или так:
зажимая в руке пятак,
проходя через турникет,
человек ты ещё или — нет?

* * *

Наблюдаю без конца
трансформацию лица.
Не чужого — своего,
не хочу терять его.

Бедный поэт

1

Несчастный поэт.
Дарёному мандарину
в пасть
не глядя,
на скудной табуреточке
посреди кухни сидит,
заусеницу теребит
и плачет:
одежонка на нём плохонькая,
халатик какой-то драненький,
тапчонки заскорузлые,
китайские,
на вонючей резине.
Ковыряет мандаринчик на блюдечке,
стишки сочиняет.

2

Бедный поэт
вытарасился в планшетик,
ждёт,
кто его прочтёт,
кто приголубит,
а в раковине
немытая
есть кастрюля,
а по телевизору

выступает
в пиджаке
и кальсонах
мужик какой-то.
Никаких метафизических оправданий,
остаётся только тихонько плакать,
вынимая ложкой сухарь ванильный
из горячей чашки,
куда упал он,
тщательно смотря, как мужик в кальсонах
открывает рот и поёт эстраду.

3

Бедный поэт написал:

Ну что,
сидишь в фейсбуке,
нарезаешь
себя
на порции?
Зря!
Даёшь
художественное
целое!
Похудожественнее, товарищи!
Вперёд!
Книга, товарищи, — это кусок горячего, дымящегося мяса.
Это горящая дверь Павленского.
А не то, что вы думаете.
А не то, что вы думаете.
А что вы думаете?

4

Бедный поэт написал:

Бедный я, бедный,
скудный умом и духом.
Звуки ненужные слушаю чутким ухом.
Ночью не сплю, днями не развлекаюсь.
Только терплю и маюсь, терплю и маюсь.
Нет ничего у меня, кроме жизни моей и тела.
Вот из них-то и произвожу по мере сил разные
свои произведения.

5

Бедный поэт
отвечает на вопросы,
которые ему никто не задавал,
как тот циркач:
написал предсказания на бумажках,
в шляпу сложил,
а теперь достал одно
и — испугался.

6

Гражданин поэт
пришёл
к Бедному поэту
и давай его шпынять да попрекать:
нету, грит, у тебя, ни нормальных ботинок,
ни штанов порядочных, ни даже
позиции гражданской.

Сидишь, грит, ты в углу возле швабры,
пупок ковыряешь.
Отдавай, грит, свой огненный уголь
да посох волшебный
да ключи от треножника с дымом
сдавай под расписку.
А Бедный поэт на это ничто не ответил.
Он уставил свой глаз близорукий на дырку в обоях:
сквозь неё пробивалась наружу чудесная плесень.

7

Бедный поэт времени показывает маленький кукиш;
плачет: тебя, проклятое, не подкупишь;
а без тебя — как же ж присутствовать-длиться;
как узнаваться; как в зеркале отразиться;
напечатлеться случайно в пустой витрине;
в памяти пассажиров гортранспорта; в мокрой глине
ямку оставить...
Божечки-боже, плачет, божечки-боже...
А и лицо моё не помню на что похоже.
Но главное — стоит мне скрыться за поворотом,
я забываюсь людьё — с носом моим и с ротом,
телом и делом и со словами всеми...
Время, прости, говорит, помоги мне, время.

8

Бедный поэт написал:

я видел женщину в метро
с полиэтиленовым пакетом

она сидела и спала
и пальцы грязные при этом
по-детски под щеку клала
ещё другую там же встретил
она была совсем пьяна
совсем одна была на свете
качаясь шла совсем одна

а я их взял и проигнорировал мерзавец

9

и что-то с ним тогда случилось
он ел с фарфоровой тарелки
он простоквашу по утрам
пил из гранёного стакана
он утром фетровую шляпу и плащ-болонью надевал
но будто был себе чужой
но часто забывал побриться
но на толчке с клочком газеты
в руке — читать её пытался —
и букв никак не признавал

из поэмы Бедного поэта о 37 годе

10

Бедный поэт,
кажется, был убит —
да-да, в Париже.
Он, бедный, ничто, кроме голоса,
не имея,

голос
потерял,
и нет — совсем не от горя и не от страха,
а просто — ну подумайте —
куда ему жить
со всем этим
мелким самолюбием,
завистью,
перебиранием глупых своих обид:
заметили — не заметили,
похвалили — не похвалили,
да и трещина эта,
знаете ли,
так болит,
так болит,
сил никаких нет,
а к тому же
и не слышит никто
и не замечает,
а зачем тогда?
Мучается он,
бедный,
а не живёт,
уставился в ютуб,
слушает
очереди пулемётные
и оторваться не может
и сказать ничего не смеет
вот уже которые сутки,
а трещина всё шире,
а в груди-то всё больней и больней,
и нет чтобы встать,
купить пива,
сидеть во дворе с мужиками,

отрастить брюхо
или порядок в берлоге своей навести,
сидит всё,
а в ушах та-та-та-та-та-та-та,
господи, думает, когда же это кончится,
ведь меня ж всё равно нет,
я ненастоящий,
можно мне уже как-то нормально
не существовать,
чтобы ничего,
совсем ничего
и не больно.

11

Бедный поэт написал:

человек расписавшийся в книге учёта
начинает дорогу вовнутрь где его
ждёт холодая плоскость стола и работа
плюс ещё ожидание кое-кого
и когда кое-кто всё равно не приходит
человек собирает остаток ума
и из здания тихо наружу выходит
где нашествие духов и внешняя тьма

из поэмы Бедного поэта о 37 годе

12

Бедный поэт
проснулся.

Увидел:
ноябрь по-прежнему
сиз.
Сравнил
тусклое свечение неба
с фосфором.
Выпил кофе.
Потом ещё.
Всё равно — беспокойно.
В голову лезут
неподавляемые мысли
об участи — то есть о той части,
которую его маленькая жизнь,
посвящённая размножению слов,
занимает
в общем потоке событий.
«Боже, — произнёс он внутри себя, —
боже, скажи мне...»
Но вопрос сформулировать
не решился.
А просто
взял бумагу
и тупым карандашом
кое-как
нацарапал вот это.

13

У Бедного поэта
сегодня пир горой:
он ест и то, и это,
он давится едой.

Какой же день хороший, —
он говорит себе
и слизывает крошки,
прилипшие к губе.
И буковки родные
в тетрадный разворот
съедобные, густые
старательно кладёт.

14. Из письма Бедного поэта родственнице

И я бы хотел увидеть море. Но знаешь, Зина,
чувствую я неприязнь ко всем этим мелким
курортным радостям. Я был бы согласен ока-
заться на пустом берегу в хмурый нежаркий
день. И чтобы бражники, как некие человечки
с крыльями, летали в саду по вечерам. И ста-
рый проигрыватель играл советские песни...
Но, Зина, ничего этого не будет. Никогда.
Потому что...

15

Бедный поэт написал:

Спиной поворачивается день.
Он в чёрном пальто.
Поэтому вечер
неминуемо ворсист,
сырой, как пальто,
пахнет несвежей шерстью.

Скоро
Новый год,
но никуда и никто
не уедет —
пляжи недоступны,
потому что война
и генштаб
приказал перерезать
все провода
в реальность,
сколько-нибудь отличную
от той, где ноябрьский день
в гнилом и чёрном советском пальто
действует мне на нервы.
Скоро Новый год.
Все останутся на местах,
в своих квартирах,
потому что центр города
перекрыт.
Рамки металлоискателей
образуют
настоящую
полосу препятствий.
Не всякий дойдёт до Кремля.
Да и зачем?
Единственный выбор,
который у нас ещё есть, —
не включать телевизор.
не слышать куранты.
Можно ещё постараться забыть
эту музыку, эти слова...
Гимн.
Новый год.

Он придёт
в серой толстой шинели
и в поношенных кирзачах.
Скажет:
«В это трудное время
надо потуже затянуть
пояса.
Насупить брови.
Сжать губы».
А мы ему —
чтобы задобрить —
оливье и селёдку под шубой.
Кушай, кушай.
Не надо.
Мы согласны.
Ты только не злись.

16

Он как бы заперт в черепной коробке.
Он там как бы на острове пустом.
На кухоньке за стареньким столом
Сидит и курит, старенький и робкий.
Он знает: гул в ушах — не глухоты
И крови морок, не уловка слуха —
А чистой и желанной пустоты
Последний зов, во мглу седого уха
Пробившийся с померкнувших небес,
Где голос был его. Потом — исчез.

Из архива Бедного поэта. Авторство не установлено.

17

Бедный поэт
с утра прямо,
зубов ещё не почистив,
написал отличное
(так ему, по крайней мере, показалось)
стихотворение.
Но не ощутил радости.
В пустоту — думал он, —
в гулкую, чёрную, тёплую
бездну
бросаю я свои слова.
Зачем?
Сегодня я гений.
Написав вот это,
я оказался
где-то посередине
между Случевским и Баратынским.
Тут бы и успокоиться.
Пойти к другу стихотворцу,
посидеть душевно
за чашкой чая.
Но нет у меня друга стихотворца.
Не ждёт меня никто на чашку чая.
Да и работа стоит.
Кто её сделает за меня?
Пушкин?
Вздыхнул Бедный поэт,
закрыв дверь ключом
и потащился на остановку.
А залезши в маршрутку,
ощутил такую тоску, такую...

На которую и слов-то у него
никаких уже не осталось.

18

человек-ненавидимка
без рук и без ног
и тулова жирного у него тоже нету
онтологический феномен
бессмертный не-бог
не принадлежащий ни тому ни этому свету
он как корень квадратный извлекается из головы
как шарф из рукава пальто может быть запросто вынут
он печален до горечи выбрит до синевы
и для пущего зрения на глаза от затылка надвинут
он последствие неудачных и ненужных опытов
с человеческим ты
очищенное от примесей вырожденное другое
утратившее протяжённость и все черты
странное отвратительное никакое

19

Ботиночки мокренькие снимает.
Руки холодные подносит к груди.
И заходит, когда говорят: «Заходи».
И садится и ноги под стул поджимает.
Как будто нету его ни снаружи, ни изнутри.
Он сидит тут в замедленном темпе,
пока выцветают обои
и на лбу проступают морщины,

Танго памяти Эльдара Рязанова

Словно бы старые духи,
которые были разлиты
тому уж сорок лет...
Такой
неуловимый, затхлый, тёплый, старушечий — но аромат,
имеющий не отношенье
к прикосновенью тел друг к другу,
а только к тихим разговорам —
на кухне, вечером, в Москве,
с гитарой, водкой, дефицитом консервным...
Лёгкий вкус железа немного связывает рты.
И капли в окна барабанят.
А все такие молодые,
какими больше никогда.

* * *

девочка/мальчик
тот кто сидит
на подоконнике
на широком зимнем подоконнике
над огненной батареей
и думает
только об одном
всегда
только об одном
можно ли управлять вселенной с помощью
маленького магнитика?
можно? или всё-таки нет?
у женщины/мужчины того который
грубого помола муку сыплет на стол
пироги раскатывает на столе
нет ответа

Бестиарий: дувара, свирлица и ловчица

1

Бывает, в приоткрытое окно — зимой обычно, из-за сквозняка, поскольку дверь входная неплотна, — просачивается холодный воздух и тоненько так, тоненько свистит.

И видишь: на осеннем берегу стоит мохнатый и печальный зверь и, вытянув заплаканную морду, забрасывает непрерывный звук в пустое остывающее небо... «Дууувара...»

Так его и назовём.

2

...перевернулся на живот —
и расточилась мгла,
так был введён двоичный код
в белковые тела;
и человека человек
послал ловить свирлиц,
но в темноте не отличить
нулей от единиц...

3

Придумалось животное «ловчица».
На что оно могло бы пригодиться?
Запуталось в траве.
Рога на голове.
Ловчата у неё должны родиться.

Роза

*Моей прабабушке,
умершей в германской эмиграции
незадолго до своего столетия*

Потом она сидела на крыльце
с нашлёпкой отчужденья на лице,
и перед ней, поблёскивая мылом,
текла дорожка, обещая круг,
вспять времени, на Родину, zurück.
Но далеко, да и ходить забыла.

Туда-туда... В воздушное dahin,
где соль труда как старый пластилин,
напольные часы с кукушкой дохлой
и маленькие тряпочки в углах.
Там юность тоже спрятана — в часах.
Сперва была видна, потом усохла.

А здесь она за старшую. И вот,
как жабра, незнакомый кислород
перегоняет, наполняя речью,
и временем, и собственным теплом...
Европа спит, свернувшись под стеклом,
укутываясь в шкуру человечью,
у ног её. Но ей-то что с того?

Так далеко, как будто бы его
и нетути, — почти что в центре неба —
круглится Глухов — словно стаканом
обрезанный. И одинокий дом
ветшает и скрипит, и ехать треба...

Она, как рыба сквозь секунд планктон,
Вплывает в сеть. И ловит воздух ртом.
Легко её пергаментное тело.
В нём, матовый, сквозит пейзаж страны.

Она её боялась, как войны,
но внутрь зашла — и вот ведь полетела...

Школа

а те кто в большинстве своём уж умерли давно
глядят в осеннее
глядят в осеннее окно
где я от солнышка запитываю взгляд
я вижу старую фанерную кормушку
на подоконнике я помню снегиря
и сизое подбрюшьё ноября
и мела гладкую замученную тушку
а за окном внутри внутри внутри

моя учительница первая стоит
и смотрит пристально
и голубые стёкла
её показывают
а она глядит

* * *

когда потом когда давно когда тогда всегда
встаёт светло или темно одна над всем звезда
когда примерно всё равно тебе или себе
когда реальнее кино чем прыщик на губе
картинку всовывая в глаз как волнорез ума
когда выматывает нас солёная зима
мы говорим оно пришло мы говорим пора
как грузовик застряло зло среди нашего двора
и что там в кузове его смотреть нельзя не сметь
лежит мешками вещество
напоминает смерть

Содержание

Смерть сидит у него в кармане

Говорить	5
«...Где дышит, всё в жабрах, сырое лицо...»	6
«Смерть проявляется по капле...»	7
«Вот он выходит из конторы...»	8
Детское	9
«Моя маленькая зимняя метафизика...»	10
Стансы	11
Из цикла «Письма о поэзии»	12
«Сижу в шерсти ворсистых комнат...»	15
Дядя Хема	16
«Меня хватает на то, что меня хватает...»	18
«ничилавечески устало...»	19
«В пустой комнате...»	20
«А правда, в общем, в том заключена...»	21
«Холода холодают...»	22
«Заткнулся и умер в себя самого...»	23
«пополняя ряды муляжей...»	24
ТХТ. Философская лирика	25
«Слышу внезапно...»	30
«кому повем свою печаль кому...»	31
«я живу у себя в айпаде...»	32
Пасха	34
«Да и в общем зачем...»	35
«Жизнь бесконечна...»	36

Ангел на Павелецкой

«Отчего мы не чуя живём...»	39
«Ещё: они рассказывали о том как...»	40
«На Павелецкой ко мне подошёл...»	42
«Осень — это вовсе не время года...»	43

О фантазии	44
«когда вокруг покойники...»	47
Под нарисованным небом	48
«взмывая выше ели...»	50
«хочется написать какую-нибудь историю...»	52
1994, лето	54
Социальная поэзия	55

Смерть сидит у него в кармане

«Недостижимого себя...»	59
«Ну и что...»	60
«этот голос никому не нужный...»	61
«...Или вот...»	62
«Наблюдаю без конца...»	63
Бедный поэт	64
Танго памяти Эльдара Рязанова	78
«девочка/мальчик...»	79
Бестиарий: дуvara, свирлица и ловчица	80
«Тот нежный, печальный — фыть...»	81
Роза	82
Школа	84
«когда потом когда давно...»	85

Евгения Вежлян. Ангел на Павелецкой

возрастная категория 18+

редактор:
Александр Переверзин

дизайн:
Антон Чёрный

корректор, технический редактор:
Ольга Тузова

издательство «Воймега»
voymega@yandex.ru
alkonost.mail@gmail.com

Подписано в печать 5.08.2019
Формат издания 60х90/16. Усл. печ. л. 5,5.
Тираж 300 экз.

ISBN 978-5-6042671-3-4

9 785604 267134

Эти густые и многослойные стихи — редчайшее сплетение высокого косноязычия мысли с весёлой ясностью бытовой речи. Евгения Вежлян не устаивает быть «поэтичной» (ритмичной, гладкой, красивой, метафориченькой) — от этого её поэзия становится абсолютно подлинной, как обнажённое отчаяние, изумление языка перед немотой жизни. Маленький цикл «Бедный поэт» — вообще гениальный текст: читать с карандашом, разбирать, учить наизусть.

Денис Драгунский

ISBN 978-5-6042671-3-4

9 785604 267134